

Т. Г. Магарил-Ильяева¹

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

ЧЕСТНЫЙ ВОР: КТО ЖИВЕТ НА ОКНЕ?

В статье автор рассматривает то, как Достоевский через специфичность эпитетов, символику оконного проема и значения имен проявляет отношения героев друг к другу, их связи и истинное предназначение.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, рассказ «Честный вор», окно, святой дух, благодать, благодеяние, значение имен, эпитеты.

T. G. Magaril-Ilyeva

The Gorky Institute of World Literature

AN HONEST THIEF: WHO LIVES ON THE WINDOW?

The author considers how Dostoevsky shows connections of the characters, their relationship and the true missions through the specificity of epithets, the symbolism of the window and the meanings of the names.

Key words: Dostoevsky, an honest thief, window, holy spirit, meanings of the names, epithets, grace, benefaction.

Изначально рассказ «Честный вор» входил в цикл, задуманный Достоевским под названием «Рассказы бывалого человека (Из записок неизвестного)», который должен был состоять из трех рассказов: «Отставной», «Честный вор» и «Домовой». Первые два рассказа были опубликованы в «Отечественных записках» 1848 года, третий – так и не вышел. В 1860 году Достоевский соединил два рассказа под общим названием «Честный вор», оставив в качестве основной сюжетную линию именно этого рассказа. От первого же осталась история знакомства бывалого человека и автора записок. Также была убрана заключительная часть рассказа «Честный вор», входившая в первую версию. Совмещение двух рассказов вывело на первый план линию, связывающую их, то есть сделало более явным сюжетный параллелизм

¹ Татьяна Георгиевна Магарил-Ильяева; аспирант отдела Теории Литературы ИМЛИ им А. М. Горького РАН; yutka@yandex.ru

двух историй: знакомства и сожительства главного героя Астафия Ивановича с автором и его же знакомства с пьяницей Емелей.

Совпадения в историях явные и проявляются вплоть до мельчайших деталей. Так, Астафий Иванович, приютивший Емелю, и автор записок, принимающий у себя отставного солдата, изначально отрицательно относятся к идее впустить к себе жильцов, но, как только это становится неизбежным (а именно так, помимо их воли, это и происходит), оказывается, что ничего лучшего они не только желать не могли, но явление это для них судьбоносное и жизненно важное («И потому лишней смирный человек при таком порядке вещей – благодать небесная!» [Достоевский, 1972, т. 2, с. 83]¹ и «Доконает он меня на питейном, подумал я, да тут же, сударь, и другое в голову пришло, и ведь как забрало меня. Да так, что вот если б Емеля ушел, так я бы жизни не рад был...», с. 86). У того и у другого квартиранта документы оказываются в полном порядке. И даже цену за свой постой они платят одинаковую. Аграфена озвучивает свой договор с отставным солдатом: «И за квартиру, за стол буду всего три рубля серебром в месяц брать...» (с. 82). За эту же сумму Емеля хочет продать свою «шинелёночку», чтобы расплатиться с Астафием Ивановичем. Ну и, конечно, точка, в которой сходятся два рассказа, автора записок и его жильца, – это кража.

Две истории, как и их герои, похожи, но сводятся в них не два героя, как двойники, а выстраивается цепочка отношений одного человека к другому. Астафий Иванович принимает Емелю, и они переживают свою историю, затем Астафий Иванович уже в роли «нахлебника» живет у автора, соответственно, автор оказывается на месте Астафия Ивановича. Каждый раз один герой встает на место другого. Зачем Достоевский выстраивает эту цепочку? Как ведут себя герои, оказавшись на том или ином месте? И кто они друг другу? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим подробнее отношения Астафия Ивановича и Емели, то есть хронологически первую историю.

Емеля – пьяница, не пригодный уже ни к чему, которого выгнали со службы, и теперь он шатается по кабакам и ночует, где приютят. Но интересное дело, что неприглядная жизнь Емели буквально находится в ведении Бога. Емеля был «уж бог знает в чем»

¹ Далее цитируется по этому изданию. Номер страницы обозначается в круглых скобках после цитаты.

(с. 85) одет, «откуда он деньги брал, уж господь его ведает» (с. 87), а в свой узелок «Бог знает, что завертывал» (с. 85). Он не попрошайничает, но всегда находит средства: «...и не просит, все совестится: ну, сам видишь, что хочется выпить бедняге, и поднесешь» (с. 85). При обращении к Емеле Астафий Иванович постоянно повторяет одно и то же выражение: «Господь с тобой». Он живет, как птица небесная, о которой заботится Бог: «Взгляните на птиц, они не сеют, ни жнут, ни собирают житницы, Отец Наш Небесный питает их» (Матф. 6:26). В рассказе «Отставной» при описании характерных черт отставного солдата есть такие слова: «Если он переселится на постоянное житье, то непременно заласкает к себе собаку или начнет прикармливать голубей...» (с. 422). Именно с этими животными ассоциируется Емеля, так, Астафий Иванович непосредственно называет его собакой: «И какой был человек! Как собачонка привяжется, ты туда – и он за тобой» (с. 85). А, решив оставить Емелю у себя, Астафий Иванович буквально прикармливает его: «Ну, хлеба кусочек утром, да чтоб приправа посмачнее была, так лучку купить. Да в полдень ему тоже хлеба да лучку дать; да повечерять тоже лучку с квасом да хлеба, если хлеба захочет» (с. 86). Да и сидит Емеля постоянно на окне, где и прикармливают голубей. Но Достоевский не ограничивается простой параллелью между Емелей и птицами, находящимися в ведении Бога и полагающимися на него. Он уводит читателя дальше, ведь голубь – это образ святого духа. Окно – это проем в стене, через который проходит свет, и место, где человек общается с голубем. В этом контексте Емеля перестает быть просто несчастным, нуждающимся в чей-то милости, он тот, посредством которого преображается человек, пуская его к себе. Абсолютно четко прочитывается эта мысль во фразе: «...такой жалкий, пропащий человек, что и господи!» (с. 85). Здесь Достоевский выражает идею, что нуждающийся, но не просящий, просто ждущий милости – это Бог, стоящий и ждущий у нашей двери/окна, когда мы откроем и впустим его («Се стою и стучу у дверей твоих. Кто откроет дверь, то будет вечерять со Мной»): «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благоденные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и

напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Это не осознается напрямую, но остро ощущается: «Да так, что вот если б Емеля ушел, так я бы жизни не рад был...». Но, впустив его, человек проходит некий путь по его принятию, учится жить с ним. Рассмотрим подробнее через призму значений имен героев, каким образом Астафий Иванович прошел этот путь.

Значения имен для Достоевского очень важны. В рассказе «Честный вор» автор ясно показал, что неслучайно дает герою то или иное имя. Сделал он это, используя эпитеты, которые так и бросаются в глаза своей кажущейся неуместностью.

Астафий происходит от Евстафий, что значит «твердо стоящий», Иван (Иоанн) – «благодать Божья». На удивление именно так – «благодать Божья», автор записок и называет совершенно неожиданно навязанного ему «нахлебника». Еще более не вяжущийся с общим описанием эпитет подобран для Емельяна Ильича. Так, Астафий Иванович описывает его следующим образом: «Пьянчужка такой, потаскун, тунядец, служил прежде где-то, да его за пьяную жизнь уж давно из службы выключили. Такой недостойный!» (с. 85), но буквально через две строчки: «...такой ласковый, добрый...» (с. 85). И это вовсе не случайно, ведь Емеля означает – ласковый. Актуализируя таким способом смысловые поля имен, Достоевский открывает еще один путь к пониманию текста.

Рассмотрим более подробно, как значения имен отразились в самом рассказе. Иванович – отчество отставного солдата, то есть буквально «Божья благодать», данная отцом. У Астафия Ивановича есть способность и возможность дарить через себя Божью благодать, но она облечена твердостью (Астафий), что придает ей совсем другие качества, превращает в благодеяние, а Астафия Ивановича – в благодетеля: «Порешил же я тогда быть ему отцом-благодетелем. Воздержу, думаю, его от злой гибели, отучу его чарочку знать! Постой же ты, думаю: ну, хорошо, Емеля, оставайся, да только держись теперь у меня, слушай команду!» (с. 86). Разница между этими, казалось бы, похожими словами принципиальна. Благодать – это то, что снисходит на человека. Благодеяние совершает сам человек и часто рассчитывает при этом на ответ. Астафий Иванович принимает Емелю, этого горького пьяницу, себе в «нахлебники» – действительно, очень добрый поступок, но за свое благодеяние он тут же хочет в качестве

платы послушание и власть над судьбой Емели. Астафий Иванович начинает ставить ему условия, что пить нельзя, иначе домой не пустит, надо ремеслу какому-нибудь обучиться и т. д. Емеля стремится исполнить все пожелания своего благодетеля, но выходит только фарс, который кроме досады и злости ничего не вызывает. Благодетель ставит своего подопечного в позицию вечного должника, не могущего отдать долг. Емеля тонко замечает это: «– Да что же мне делать-то, Астафий Иваныч; я ведь и сам знаю, что всегда пьяненький и никуда не похужу!.. Только вас, моего бла... благо-детеля, в сердце ввожу понапрасну...» (с. 88). Достоевский даже заставляет героя споткнуться об это слово, чтобы обратить внимание читателя на разницу понятий.

Все больше укрепляясь в своей твердости, Афанасий Иванович начинает считать себя последним рубежом, последней возможностью для спасения Емели: «Нет, думаю, Емеля, отступлюсь от тебя совсем; пропадай как ветошка!..» (с. 88). Затем начинают происходить удивительные метаморфозы. Случилась кража, и всем понятно, кто вор, но странным образом чем дальше, тем больше свою вину чувствует Астафий Иванович и всеми силами стремится забыть об инциденте, а Емеля все больше замыкается и чувствует себя оскорбленным («Нет-с, неприлично мне так жить у вас, Астафий Иванович... Я лучше уж пойду-с... То есть разобиделся, наладил одно человек», с. 91). Почему так происходит, помогает понять следующее высказывание Емели: «Может, должность какую найду-с, как и прежде; я уж ходил просить к Федосею Иванычу... Нехорошо мне вас обижать-с, Астафий Иваныч. Я, Астафий Иваныч, как, может быть, должность-то найду, так вам все отдам и за все харчи ваши вам вознаграждение представлю» (с. 91). Имя Федосей означает «данный Богом», а отчество то же, что и у Астафия, – Иванович, то есть «Божья благодать». Таким образом, Достоевский показывает, что для принятия святого духа нужна благодать, данная Богом, а не переделанная человеком в благодеяние.

Также более подробно можно разобрать значение отчества Емели – Ильич. Имя Илья отсылает к пророку Илие, одно из основных деяний которого была борьба с лжебогами, воплощенными в статуях и деревьях. То есть людям было необходимо воплотить своих идолов в твердой оболочке, чтобы иметь возможность поклоняться им. В отличие от Господа, изображение которого в Ветхом Завете было невозможно. Собственно, Емеля борется с этой твердостью Астафия Ивановича.

В Новом Завете в Евангелии от Матфея об Илии говорится так: «И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илия надлежит придти прежде? Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним как хотели; так и сын человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорит им об Иоанне Крестителе» (Матф. 17:10-13). Здесь стоит обратить внимание на то, что с Иоанном сделали, что хотели, то есть он был отдан во власть людей. И, что важно, убит он был отсечением головы. Именно об этой казни каждый раз вспоминает Афанасий Иванович, когда Емеля не может сделать то, что он от него хочет: «Нет, говорю, Емельян Ильич, не сносить тебе головы! Полно пить, слышишь ты, полно!» (с. 87) и «Ну, Емеля, одолжил ты меня! было б при людях, так голову срезал бы!» (с. 88).

Вообще сам способ высказывания Емели в рассказе иначе как пророческим не назовешь. Его фразы всегда невпопад, но именно они несут концентрат смысла всего происходящего в рассказе. Это отчасти уже было показано выше, где Емеля говорит о благодетеле и о Богом данной благодати. Также весьма странно выглядят его истории из жизни города: «– Да так-с, ничего, Астафий Иваныч, не беспокойтесь. А вот сегодня две бабы, Астафий Иваныч, подрались на улице, одна у другой лукошко с клюквой невзначай рассыпала.

– Ну, так что ж?

– А другая за то ей нарочно ее же лукошко с клюквой рассыпала, да еще ногой давить начала.

– Ну, так что ж, Емельян Ильич?

– Да ничего-с, Астафий Иваныч, я только так.

«Ничего-с, только так. Э-эх! думаю, Емеля, Емелюшка! пропил-прогулял ты головушку!..»

– А то барин ассигнацию обронил на панели в Гороховой, то бишь в Садовой. А мужик увидал, говорит: мое счастье; а тут

– другой увидал, говорит: нет, мое счастье! Я прежде твоего увидал...

– Ну, Емельян Ильич.

– И задрались мужики, Астафий Иваныч. А городской подошел, поднял ассигнацию и отдал барину, а мужиков обоих в будку грозил посадить» (с. 87). Что общее в этих двух примерах? О чем хочет поведать Емеля? Видимо, о том, что когда на кажущуюся нам несправедливость мы решаемся действовать, исходя из своих представлений о правде, делаем себя последним рубежом для принятия

решения, никому хорошо не становится, проигрывают все. Что, собственно, и делает Афанасий Иванович. Всеми своими странными изречениями Емеля борется с лжебожественностью – твердостью Астафия Ивановича, а тот ему голову срубить за это хочет.

Переломный момент в их истории происходит, когда Астафий Иванович отступает от своей твердости и становится готов принять Емелю в благости таким, какой он есть. Астафий Иванович даже подносит ему вина, но совершенно неожиданно Емеле больше не нужно пить: «– Да я, Астафий Иваныч, так уж... не буду больше пить, Астафий Иваныч» (с. 92). А дальше Достоевский показывает, что, приняв Емелю, Астафий Иванович принял Бога: «Дайте, господь с вами, Астафий Иваныч» (с. 87). В первый раз выражение «господь с вами» звучит в адрес отставного солдата.

И получается, что Астафий Иванович теперь тот самый голубь, живущий у автора на окне, он – «благодать небесная», по словам самого автора. Его приход знаменуется как необходимое знание каждого. Он тот, кто известен всем, и тот, для которого всегда должно быть все готово: «– Какую каморку?

– Да вот что подле кухни. Известно какую.

– Зачем?

– Зачем! затем, что пускают же люди жильцов. Известно зачем.

– Да кто ее наймет?

– Кто наймет! Жилец наймет. Известно кто.

– Да там, мать моя, и кровати поставить нельзя; тесно будет.

Кому ж там жить?

– Зачем там жить! Только бы спать где было; а он на окне будет жить.

– На каком окне?

– Известно на каком, будто не знаете!» (с. 82). Теперь Астафий Иванович говорит пророческие речи автору: «А вы, сударь, павшим человеком не брезгайте; этого Христос, который нас всех больше себя возлюбил – не велел!» (с. 427).

Достоевский показывает, что каждый даже самый маленький человек может быть вместилищем святого духа, принимая его, человек запускает реакцию принятия. Единичный маленький поступок может иметь действительно значимые последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 2 / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1972. – 527 с.